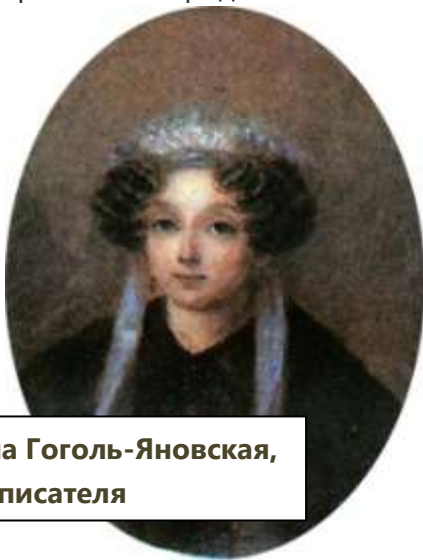


«На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характера, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве»

Николай Васильевич Гоголь-Яновский родился в Сорочинцах на границе Полтавского и Миргородского уездов. Привязанность Гоголя к своей малороссийской родине была очень сильна, особенно в первые годы его литературной деятельности. Из Петербурга Гоголь постоянно обращался к матери, когда ему требовались новые бытовые подробности для его повестей.



Мария Ивановна Гоголь-Яновская,
мать писателя

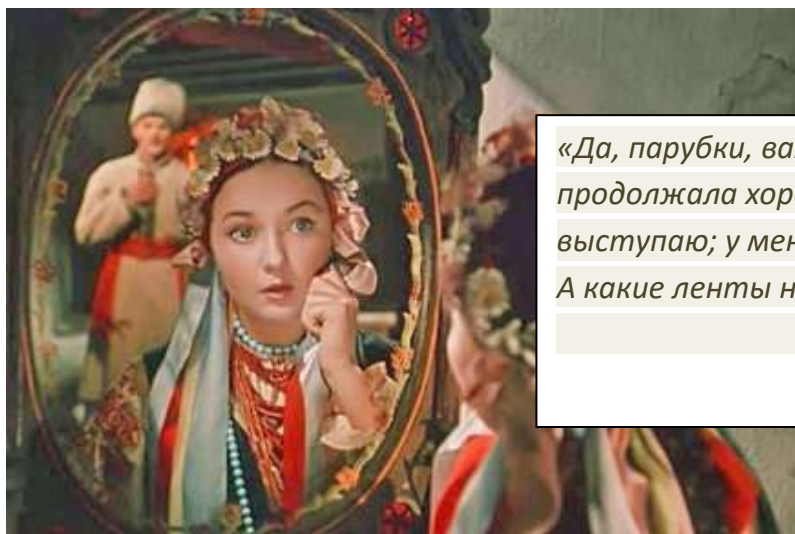
Начиная с семнадцатого века, Украина вызывала большой интерес в Европе и в России как край прекрасной природы, самобытных традиций и истории. Этот интерес усилился в начале девятнадцатого века в связи с развитием романтизма. И Гоголь так ловко присоединяется к новому популярному течению, что многие считают, что это именно он с его *«Вечерами»* открыл тему Малороссии в русской литературе.

Гоголь открывал Украину не только как часть российской истории и часть российской империи, но и как край, имеющий своё национальное своеобразие, мифологию, фольклор, традиции и обычаи. Гоголь утверждал тем самым не столько экзотичность, сколько культурную уникальность и самобытность Украины, которая, хотя и входила как Малороссия в состав Российской империи, но все-таки имела и некоторые отличия.

В полной красоте малоросский быт Гоголь показал в таких известных сборниках как *«Вечера на хуторе близ Диканьки»* и *«Миргород»*.

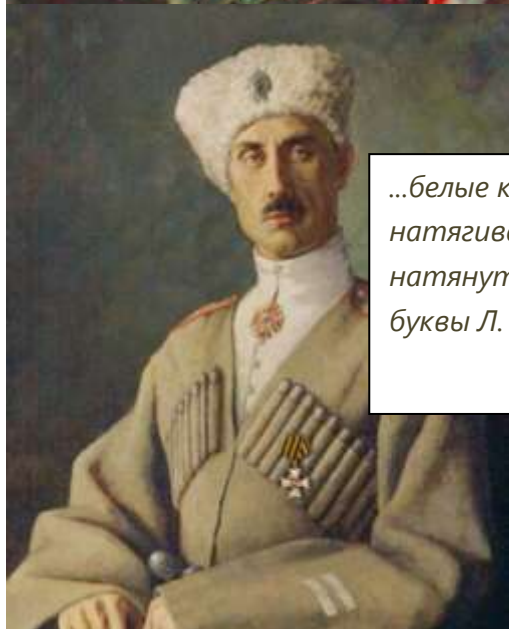
В работах Гоголя впечатляет не столько сюжет, сколько необычная живописность стиля. Гоголь уделяет колоссальное внимание аутентичному воссозданию атмосферы своего родного края, прибегая к названиям деталей украинского быта и культуры (*бандура, батог, жупан, гопак, сопилка и др.*), также он включает в свои повести наименования, свидетельствующие о национальной идентификации, например: *«кацап — русский человек с бородою»*, *«чумаки — обозники, едущие за солью и рыбою в Крым»*. Помимо этого для полного погружения в культуру этого народа и её красочную атмосферу, Гоголь то тут то там разбрасывается украинской народной речью (*хата —*

дом, парубок, хлопец – парень; панночка, дивчина – девушка, брешут – врут, черевички – туфельки и т.п). Гоголь в красках описывает убранства своих персонажей:



«Да, парубки, вам ли чета я? вы поглядите на меня, — продолжала хорошенькая кокетка, — как я плавно выступаю; у меня сорочка шита красным шелком. А какие ленты на голове!»

-- Оксана, «Ночь перед Рождеством».



...белые казимировые панталоны с пятнами, которые когда-то натягивались на ноги Ивана Никифоровича и которые можно теперь натянуть разве на его пальцы. За ними скоро повисли другие, в виде буквы Л. Потом синий козацкий бешмет...

-- жинка Ивана Никифоровича развешивает его одежду

А как красноречив автор в описании яств на столах героев произведений! Произведение «Старосветские помещики» из цикла «Миргород» можно считать своеобразным гимном еде; автор посвящает целую страницу описанию диковинного ритуала приёма пищи двух старых помещиков!



И даже когда Гоголь говорит «Не стану описывать кушаньев, какие были за столом!», на него можно положиться, что он всё равно продолжит, ведь как узнаёт читатель из «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», и сам автор является большим любителем вкусно и хорошо поесть.

До сегодняшних дней у бабушек в деревнях сохранилась традиция готовить разные закатки, соленья на зиму, или разные варенья, чтобы летом порадовать приезжающих в гости детей и внучат. И Пульхерия Ивановна в своём произведении, так же как и они, постоянно находится в этих заботах.



«Хозяйство Пульхерии Ивановны состояло в беспрестанном отпирании и запирании кладовой, в солении, сушении, варении бесчисленного множества фруктов и растений. Ее дом был совершенно похож на химическую лабораторию. Под яблоню вечно был разложен огонь, и никогда почти не снимался с железного треножника котел или медный таз с вареньем, желе, пастилою, деланными на меду, на сахаре и не помню еще на чем.»

Здесь же описываются и разного рода настойки, горилка, водка, которой и после хорошего обеда стоит «хлопнуть рюмочку» и в проблемах с поясницей да другими заболеваниями она – главный лекарь.

.— Вот это, — говорила она, снимая пробку с графина, — водка, настоящая на деревий и шалфей. Если у кого болят лопатки или поясница, то очень помогает. Вот это на золототысячник: если в ушах звенит и по лицу лишай делаются, то очень помогает. А вот эта — перегнанная на персиковые косточки; вот возьмите рюмку, какой прекрасный запах. Если как-нибудь, вставая с кровати, ударится кто об угол шкапа или стола и набежит на лбу гугля, то стоит только одну рюмочку выпить перед обедом — и все как рукой снимет, в ту же минуту все пройдет, как будто вовсе не бывало. После этого такой перечет следовал и другим графинам, всегда почти имевшим какие-нибудь целебные свойства.

На столе у хозяйки всегда полно: тут и мнишки со сметаной, пирожки с маком, пирожки с сыром, с *урдою*, с капустой и гречневой кашей, которые так любит её спутник; тут и коржики с салом, рыжики солёные, разные сушеные рыбки, да каша с грибным соусом. А на десерт арбуз и груши.

Нет ничего, с чем бы хорошая еда не помогла. Даже встав посреди ночи с расстроенным желудком, и тут можно выпить кислого молочка, узвару с сушеными грушами, и сразу станет легче.

Если подсчитать приёмы пищи Афанасия Ивановича в произведении, то наберётся их девять за день! Даже автор начинает строить догадки, отчего оно так:

Впрочем, я думаю, что не имеет ли самый воздух в Малороссии какого-то особенного свойства, помогающего пищеварению, потому что если бы здесь вздумал кто-нибудь таким образом накушаться, то, без сомнения, вместо постели очутился бы лежащим на столе.

Гоголь в этом произведении показывает подобное обжорство со стороны идеалистической, даже умиляющей. Таким богатством пищи в доме Товстогузов и их гостеприимством автор показывает достаток и процветание, словно «рай на земле», а отказ от еды связывает со смертью и упадком.

Известно, что и сам Гоголь перед смертью своей отказывался от еды.

Невероятно трогательным моментом в повести выступает сцена в конце произведения, когда уже вдовец Афанасий Иванович сидит за столом с автором-рассказчиком, и собирается приняться за свои мнишки со сметаной, как вдруг именно они напоминают ему о своей любимой, и старик начинает плакать как дитя.



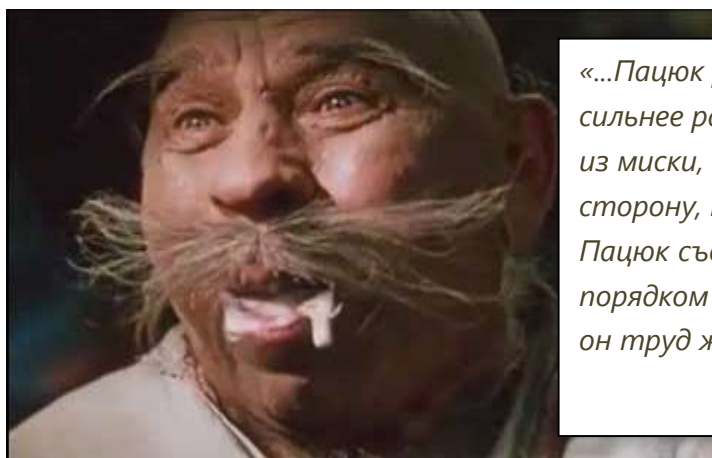
Помимо старых помещиков, Гоголь наведывается и на хутор к Ивану Ивановичу с Иваном Никифоровичем, где тоже подмечает несколько блюд. И здесь еда имеет своего рода целебные свойства, как например, помогает Ивану Ивановичу позабыть об утренней ссоре со своим соседом:



*«Хороший борщ с голубями, который
сварила Гапка, выгнал совершенно
утреннее происшествие.»*

и городничему он позже из свиньи-воровки обязуется состряпать колбасу из свиной крови и сала.

Не обходит Гоголь стороной и вареники со сметаной, которых так и хочется навернуть сидя в избе у Солохи, прекрасной хозяйки, да поболтать с ней. В «Ночи перед Рождеством» есть знакомая многим сцена, где Пацюк сидит по-турецки и уплетает за обе щёки галушки, и непойми какая чертовщина начинается, когда принимается он за вареники.



*«...Пацюк разинул рот, поглядел на вареники и еще
сильнее разинул рот. В это время вареник выплеснул
из миски, шлепнул в сметану, перевернулся на другую
сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот.
Пацюк съел и снова разинул рот, и вареник таким же
порядком отправился снова. На себя только принимал
он труд жевать и проглатывать.»*

Эта сцена повергает набожного кузнеца Вакулу в ужас. Мало того, что вареники сами в

воздухе летают, так Пацюк их ещё и в пост смакует, чем Гоголь подчёркивает близость его к нечисти. Недаром он ему и прозвище дал Пацюк, что с украинского «крыса», а крысы в славянской народной традиции считались нечистыми животными, наделёнными дьявольскими свойствами.

Мистика и тёмные силы являются визитной карточкой Гоголя. Писатель во всём своём творчестве рука об руку шёл с его излюбленной темой, казалось и сама жизнь поэта овеяна некой загадочностью и волшебством. Точно так же и в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки» привычный малорусский быт сталкивается с мистической стороной жизни, делая её неотделимой частью, такой загадочной и привлекательной в это время для литературы.

Так мистицизм сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» заключается уже с самого названия, ведь вечер и ночь – это особое время, время таинственное, время встречи реального и потустороннего миров, Бога и Дьявола, добра и нечистой силы, с которой тут и там встречаются герои повестей этого сборника.

Не во всех произведениях Гоголь связывает нечистую силу обязательно с отрицательным персонажем, наоборот, например в «Ночи перед Рождеством», Солоха, мать кузнеца Вакулы, хоть и ведьма но все в округе скажут «добрая баба», да и чёрт хоть и старается сделать кому-то пакость, но в итоге лишь смешит читателя своими неудачами.



Ведьма — один из ярких персонажей украинской демонологии. Как известно, ведьма происходит от слова «ведать», то есть она обладала особым знанием и умела ворожить, причаровывать, перевоплощаться. Распознать ведьму среди людей сложно: она может быть старой и молодой,

представать в различных ипостасях.

Так, например, наравне с образом Солохи, Гоголь описывает в «Вечере накануне Ивана Купала» другую колдунью, старуху ягу со сморщенным «как печеное яблоко» лицом, которая проводит диковинные обряды и пьёт кровь невинных. Также упоминает образ ведьмы Гоголь и в «Майской ночи», здесь она по преданию легенды обращается в кошку и нападает на свою падчерицу. И само-собой, нельзя не упомянуть «Вия».

Иному читателю может показаться странным, что у такого славного богопослушного молодца, как кузнец Вакула, мать оказывается ведьмой, но тут может выступать как и

привычная сатира Гоголя, к которой как нельзя лучше подойдет украинская пословица «Баба хуже черта», так и частый в украинском фольклоре мотив, когда герой должен пройти определенное духовное испытание, и преодолев действие злых сил, очиститься и выйти к новой жизни.

Образ черта, так излюбленный Гоголем, которого он упоминает в своих произведениях по причине и без, так же является одним из популярнейших в украинском фольклоре. В украинском фольклоре довольно широко распространены сюжеты о различных похождениях черта в земном мире, об ухаживаниях черта за женщиной, о воровстве чертом месяца (солнца, звезд), о договоре черта с человеком, о победе героя над чертом.

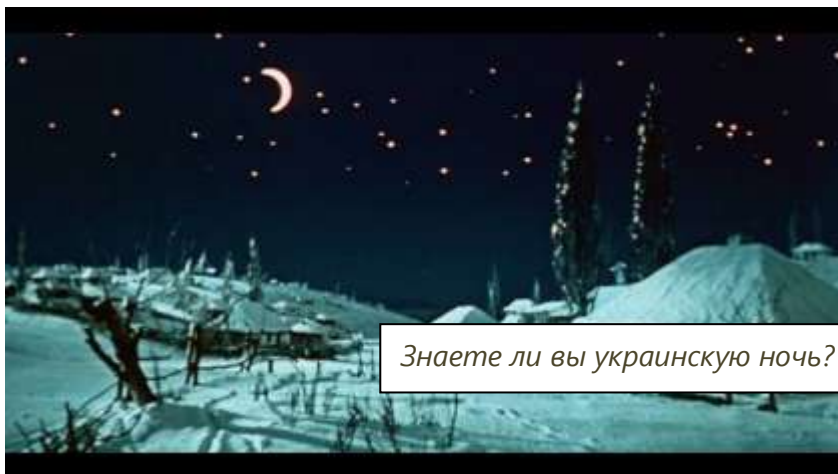
Эти все черты мы можем и заметить в повести «Ночь перед Рождеством».

Чёрт в народной мифологии способен стремительно летать по небу, рассыпаясь искрами, и (как и ведьма) влетать и вылетать через дымоход. Поэтому образ дыма восходит к древним мифологическим представлениям о нечистой силе.

Очень часто в украинских народных сказках чёрт предстает обманутым — герой заставляет его действовать в своих интересах. Чёрт, как правило, должен помочь герою жениться, достать какой-либо заветный предмет, выполнить невыполнимую задачу.

Образы черта и кузнеца Вакулы тесно связаны в произведении Гоголя. Еще в языческих представлениях кузнец наделялся особой магической силой, потому что он был властителем стихии огня. То как Вакула хитро расправляется с чертом и благодаря ему достает для Оксаны черевички хорошо иллюстрирует украинскую пословицу: «Не так страшен черт, як його малюють». Помимо черта, ещё одним выходцем «пекла» является Басаврюк, который был то ли бесовской человек, то ли чёрт, обернувшийся человеком, но также как чёрт он известен на хуторе тем, что заключает сделки с парубками, как потом известно, для того, чтобы они для него добывали клады.





Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи!

Месяц — традиционный славянский символ наряду с Солнцем. Согласно древним верованиям, от союза Солнца и Месяца родились звезды. В древних колядках небесный мир предстает весьма гармоничным: небо называется храмом (чертогом), Месяц — владыка, Солнце — его жена, а звезды — их дети.

В украинских легендах месяц, который сияет ночью, пробуждает зёрна жизни и придает им плодородности. При стареющем месяце не начинали посевов. Считалось, что если сеять хлеб «на молодика» (то есть при молодом месяце), хлеб будет расти быстрее. С месяцем были связаны и колядки, и песни (посевные), и заговоры (укр. замовляння). Чтобы месяц способствовал благополучию семьи, ему приносили жертву в виде вареников или галушек, которые по форме напоминают месяц.

Отзвуки всех этих фольклорных и мифологических представлений находим в повести Гоголя «Ночь перед Рождеством». Черт украл месяц, а это несло угрозу всему миру. Пацюк ест галушки и вареники, что связано с мифологическими представлениями о магической силе месяца.

Отдельную часть украинских гоголевских циклов составляют упоминания и описания традиций и обычаев колоритной культуры. Так, например, с самых первых страниц, с предисловия «Вечеров» читатель знакомится с украинскими «вечерницами», которые автор сравнивает с Петербургскими балами, но так же выделяет ряд несоответствий с

На балы если вы едете, то именно для того, чтобы повертеть ногами и позевать в руку; а у нас соберется в одну хату толпа девушек совсем не для балу, с веретеном, с гребнями; и сначала будто и делом займутся: веретена шумят, льются песни, и каждая не подымет и глаз в сторону; но только нагрянут в хату парубки с скрипачом — подыметесь крик, затеется шаль, пойдут танцы и заведутся такие шутки, что и рассказать нельзя. Но лучше всего, когда собьются все в тесную кучку и пустятся загадывать загадки или просто нести болтовню. Боже ты мой! Чего только не расскажут! Откуда старины не выкопают! Каких страхов не нанесут!..»

онными.

В повести «Ночь перед Рождеством», где, из названия следует, что события развиваются в Святой вечер, праздник накануне Рождества, 6 января по православному календарю. В этот вечер хозяйки наготавливают целый стол кушаний из двенадцати постных блюд. Во главе которых стоит кутя – каша из зерён пшеницы, ячменя или риса, иногда с мёдом или вареньем, которая считается в этот вечер символом дальнейшего благополучия и оберегом от злых сил. Вся семья по традиции собирается у стола вместе, читает молитвы и поминает отошедших в мир иной. В этот вечер все ждут первой звезды, чем заканчивается пост.

Издавна считается, что в Свят-вечер происходят удивительные и волшебные события, необычайные превращения и даже встреча с нечистой силой, которая должна отступить перед христианским праздником Рождества. В повести «Ночь перед Рождеством» такие необычайные превращения встречаются повсеместно (ведьма превращается в Солоху, черт — в коня и т.д.). Волшебные события происходят и в земном мире: кузнец Вакула оседлал самого черта, слетал в Петербург, достал у самой царицы черевички для прекрасной Оксаны.

В святой вечер девушки и молодцы выражаются: надевают шкуры, рога и маски, и собираются в группки. Они ходят по соседству, напевая колядовые песни (колядки), выпрашивая у жителей дары (обычно еду), которые потом делились между всеми участниками.



В колядках величали рождение Солнца и самые важные составляющие Вселенной — Огонь и Воду, а также рождение Христа. Гоголь также упоминает другие обрядовые песни украинцев – щедривки, которые поют на неделю позже, в Щедрый вечер, когда ходят задобрить Бога Спаса и дать хороший урожай. Когда в повести Вакула слышит

голос Оксаны в толпе колядующих, Гоголь даже приводит одну такую щедривку в пример, когда какой-то молодец вместо колядки начал «орать во всё горло»:

*Щедрик, ведрик!
Дайте вареник,
Грудочку кашки,
Кільце ковбаски!*

Помимо рождественских традиций Гоголь в «Вечерах» упоминает и праздник Ивана Купала, который приходится на 7 июля, где в ночь перед этим праздником юноши и девушки развлекаются вовсю. В ночь на Ивана Купала зажигаются костры, через которые празднующие перепрыгивают, девушки пускают венки по воде – чтобы узнать, какая из них раньше выйдет замуж и будет счастлива. Также они отправляются на поиски папоротника, магическую силу которого Гоголь описывает в «Вечере накануне Ивана Купала».



В произведениях этого цикла Гоголь описывает брачные обряды украинской культуры того времени, главным из которых является выкуп понравившейся панночки у её отца. Чем выгоднее партия для своей дочери, тем меньше батько думает, но не все казаки отличались несмертным богатством, и где, например, кузнец Вакула прибегнув к хитрости, и ловко воспользовавшись помощью черта, успешно сватается с Оксаной, там Петрусь из Ивано-Купальской повести в погоне за отцовским одобрением попадает в ловушку местного дьявола.

Упоминает в последней повести Гоголь и то как проходили свадьбы. Как и можно себе представить, это большое празднество, громкое, которое справляли большой толпой да с музыкой. Описывает он как празднующие выражались в разные костюмы:

...была она (тётка) одета тогда в татарское широкое платье и с чаркою в руках угощала собрание. Вот одного дернул лукавый окатить ее сзади водкою; другой, тоже, видно, не промах, высек в ту же минуту огня, да и поджег... пламя вспыхнуло, бедная тетка, перепугавшись, давай сбрасывать с себя, при всех, платье...

И даже подобные страшные выходки добрый люд на веселе встречал радостно: «Шум, хохот, ералаш поднимался, как на ярмарке».

В другом цикле повестей «Миргород» Гоголь упоминает миргородскую традицию примерения, которая похожа «на игру в мячик», когда Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича на ассамблее начинают толкать друг к другу, чтобы несчастные пожали руки да наконец примирились.

Своим удивительным вниманием к деталям Гоголь сделал всё возможное для того чтобы преподнести такую загадочную и непонятную, но такую притягательную Петербургскому народу «країну», и черным по белому высек наши представления о ней и по сей день.